
В.И. Матузова

«ХРОНИКА ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» ПЕТРА ИЗ ДУСБУРГА О ПРУССАХ

На основе сведений о пруссах, содержащихся в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга (XIV век), показаны социальные процессы, происходящие в прусском обществе в период завоевания Пруссии Тевтонским орденом. «Хроника» Петра – яркий исторический памятник времени завоевания Пруссии Тевтонским орденом (30-е гг. XIII в. – 1293 г.), содержит немало сведений о пруссах. Хронист, орденский священник, давая обобщающую характеристику пруссам, передает в ней свои впечатления от чуждого ему языческого мира, который тевтонские рыцари призваны исправить любыми, как миссионерскими (проповеди), так и насильственными (с оружием в руках), методами. Петр из Дусбурга создает контрастное изображение действующих исторических сил и личностей, где пруссы выступают воплощением зла. Однако даже при такой тенденции текст хроники дает адекватное представление о процессе социального расслоения, который начался еще до появления тевтонских рыцарей в Пруссии и логика развития которого была нарушена их вторжением. Ситуация осложнялась разделением пруссов на сторонников и противников крестоносцев, что приводило к вражде между самими пруссами, представителями как разных слоев, так и сородичами. Информация, сообщаемая хронистом о пруссах, построена преимущественно на устной традиции, но признана современными исследователями достоверной, поскольку она во многом подкрепляется материалом жалованных грамот Тевтонского ордена прусским нобилям.

Ключевые слова: Пруссия, пруссы, нобили, Тевтонский орден, крестоносцы, восстания, Петр из Дусбурга, Генрих Монте, Скуманд.

Международная историография крестовых походов в Восточную Прибалтику насчитывает уже более двух столетий, на протяжении которых взгляды исследователей на это историческое явление неоднократно менялись. Средневековые хроники, написанные обычно священниками, представителями христианской Церкви и носителями христианской культуры, доносят почти идеальный образ рыцарей-миссионеров, в задачу которых входило обратить в истинную веру язычников. Так было в Ливонии и в Пруссии. Средневековые авторы, как правило, не скрывают своего пре-

зрения к местным племенам, которые не имели письменности, не знали Библии, а в повседневной жизни во всем отличались от «цивилизованных» крестоносцев. Так называемые «северные» крестовые походы получили одобрение двух высших властей средневекового христианского мира – императоров и папства – и были приравнены к крестовым походам на Ближний Восток. В XIX в. в немецкой историографии участники крестовых походов предстают как «носители культуры» (Kulturträger), во всем превосходившие язычников и призванные обратить их в христианство любыми методами, как миссионерскими, так и насильственными. Потребовалось долгое время, чтобы в современной исторической науке сформировался новый взгляд на крестовые походы, в том числе и в Восточную Прибалтику, согласно которому они представляли собой столкновение двух разных идентичностей, двух разных культур (Eihmane 2016). Перипетии этого столкновения ярко раскрываются на страницах «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга.

Изначально в «Хронике» Петра из Дусбурга пруссы выступают как некая безлика, но враждебная Тевтонскому ордену масса людей, хотя ему хорошо известны названия прусских земель и племен. Он отводит отдельную главу, чтобы дать обобщающую характеристику пруссов (Матузова 2009); эта характеристика передает впечатления орденского священника от чуждого ему мира, «неправильного», с его точки зрения, что одновременно свидетельствует и о ментальности самого хрониста. Он описывает события, связанные с отдельными прусскими племенами или их конфедерациями, но по ходу повествования в поле зрения Петра из Дусбурга неоднократно оказываются и вполне конкретные пруссы, которых он знает поименно, которым дает краткие характеристики или более или менее подробно описывает исторические эпизоды, в которых упомянутые пруссы принимали участие. Эти сведения коренятся главным образом в устной традиции, и, хотя события ушли в прошлое даже для самого хрониста (самые поздние из них происходили лет на пятьдесят ранее завершения хроники), современные ученые считают их достоверными, поскольку многие из них подтверждаются документальными источниками, – в частности, жалованными грамотами XIII–XIV вв., которые выдавались должностными лицами Тевтонского ордена некоторым новообращенным пруссам (Матузова 1989).

Оказывается, пруссы не так уж однородны. Хронист различает две крупные группы: пруссы, которые переходят на сторону ордена и принимают христианство (они достойны поощрения), и пруссы, которые упорствуют в своем язычестве (чтобы принудить их обратиться в христианство, с ними следует вести священную войну и даже уничтожать).

Ко времени вторжения Тевтонского ордена в Пруссию (30-е гг. XIII в.) в прусских племенах уже начался процесс социального расслоения. Хронист явно улавливает его признаки, выделяя из среды пруссов прежде всего местную знать (нобилей), которая для него тоже неоднородна: одни нобили со всеми чадами и домочадцами покоряются ордену и принимают христианство, другие становятся вождями, возглавляющими борьбу пруссов с орденом.

С самого своего появления в Пруссии рыцари ордена сталкивались с оказываемым им сопротивлением (вероятно, вначале это были единичные случаи) местного населения, во главе которых стояли прусские нобили; многих из них Петр из Дусбурга знает по именам. Помезанский нобиль Пиппин, живший в укрепленном месте, занимался, по сведениям хрониста, «разбоем: ни один христианин не мог выйти из замка, чтобы он его не схватил или не убил» (ПД 1997. С. 53). К сожалению, хронист редко сообщает даты событий прошлого. Однако под 1239 г. он пишет о том, что вармийский вождь Пиопсо, «собрав всю силу войска своего», осадил захваченный крестоносцами прусский замок Бальга. После его гибели пруссы отступили, но впоследствии, «осадив этот замок сильным войском, взяли его и, убив всех братьев (рыцарей) и оруженосцев, обратили в пепел» (Там же. С. 59) «Враждебные братьям» вармийские нобили Гоботины, «всех превосходящие властью», построили замок Партегаль в поле с этим названием и укрепление Скрандоне на одноименной горе, откуда «ежедневно нападали на братьев из Бальги». И далее: «Из упомянутых замков пруссов... выходило сражаться столько ратников, что братьям были преграждены все пути для нападения на врагов и совершенно исключена возможность сражаться с ними» (Там же. С. 60); оба сооружения были разрушены крестоносцами (Там же. С. 61) Прусский вождь Побраво собрал войско из натангов и вармийцев, с которым совершил набег на поле у Бальги, угнал скот крестоносцев и убил охранявших его людей (Там же. С. 109)

После битвы в Куронии (1260 г.) и поражения крестоносцев вспыхнуло второе восстание (1260–1274 гг.) пруссов (они «снова

отступились от веры и христиан и скатились к прежним заблуждениям», – пишет хронист), в котором прусские племена выступают в едином войске, «предводителями и вождями» которого самбы выбрали Гланде, натанги – Генриха Монте, вармийцы – Глаппо, погезаны Ауттума, барты – Дивана (Там же. С. 91).

Из них особенно часто упоминается Генрих Монте (Геркус Мантас), судя по всему талантливый полководец. В 1263 (или в 1264) г. он с сильным войском вторгся в Кульмскую землю и «не говоря о множестве людей и прочей неисчислимой добыче, которую он забрал с собой, он сжег все сооружения, стоящие за пределами укреплений, и обагрил ту землю кровью христианской» (Там же. С. 103–104). Генрих Монте с детства воспитывался среди тевтонских рыцарей и свободно говорил по-немецки, используя эту свою способность, чтобы выманивать спрятавшихся в лесах христиан. Приблизившись к тому месту, где, по его подозрению, те могли скрываться, он обращался к ним по-немецки: «Коли здесь есть кто, пусть выходит без страха, ибо войско язычников уже ушло». Выходивших он брал в плен или убивал (Там же. С. 119). Однако у хрониста отношение к Генриху Монте неоднозначное. Он описывает, как в битве за Кёнигсберг Генрих, издали увидев, что рыцарь ордена Генрих Уленбуш взял в руки арбалет, промолвил: «Сегодня ты у меня отправишься на небо» и пронзил рыцаря копьем (Там же. С. 97). С другой стороны, он не скрывает и того, что Генрих Монте дважды выручал горожанина из Магдебурга Хиртцхальса, попавшего в плен к пруссам, которому выпал жребий быть принесенным в жертву прусским богам (Там же. С. 93).

По-видимому, под стать Генриху Монте был и барт Диван, войско которого часто объединялось с погезанским. Вместе они осадили замок крестоносцев Гранпере, между Христбургом и Мариенбургом, близ которых разорили волости (Там же. С. 111). Он осадил замок Шёнензе, пообещав, что если замок сразу не сдадут, то он повесит всю братию и оруженосцев у его ворот (Там же. С. 118). Скалов Гирдило, притворившись сторонником крестоносцев, повел сто рыцарей на взятие литовского замка Отекайм, воины из которого «неожиданно напали на них и убили всех, кроме немногих бежавших» (Там же. С. 140)

Не раз повествует хронист о вожде судовов Скуманде. Со своим войском, в составе которого были и рутены, он вторгся в Кульмскую землю, а оттуда наступал на замки крестоносцев: Торунь, Кульмензе, Хемсот и Цешпель (Там же. С. 118–119). Скуманд и

тевтонский рыцарь Людвиг фон Либенцель выступают действующими лицами в главе «О первом пленении брата Людвиг фон Либенцеля» (Там же. С. 133), в которой прусский нобиль наризован не без симпатии. Он «очень полюбил» пленного Людвиг фон Либенцеля, «ибо он храбростью своею походил на него». И когда на одном пиру Людвиг подвергся оскорблениям, Скуманд поддержал его в желании отомстить, сказав: «...если отважишься, то ответь на нанесенное тебе оскорбление, а я тебе подсоблю». Но и этот «могучий и богатый человек» из волости Красима в Судовии (Там же. С. 134) «не мог сопротивляться постоянным нападениям братьев». Он ушел на Русь (Russia), но через некоторое время («утомившись изгнанием», по словам хрониста) вернулся на родину, где крестоносцы столько раз нападали на него (и даже сожгли его дом), что он «наконец со всеми чадами и домочадцами подчинился вере и братьям» (Там же). Обращение Скуманда в христианство Петр из Дусбурга причисляет к чудесам (Там же. С. 139). Другой вождь судовов Скурдо, «презирая истинную веру, со своими людьми отправился в землю Литвы» (Там же. С. 137)

Прусские нобили, обращавшиеся в христианство, приходили в орден, ведя за собой других пруссов, своих подданных, о чем в хронике говорится неоднократно. Обычно это происходило во время восстаний пруссов, когда им становилось не по силам воевать с гораздо более сильным врагом или оказывать ему сопротивление. Так, во время первого восстания часть самбов, несмотря на понесенные поражения, продолжала вести борьбу, но среди них, по словам хрониста, не было «лишь немногих мужей знатного рода и нобилей, которые, покинув отчий дом, один за другим пришли в замок Кёнигсберг со всей челядью своей и преданно присоединились к братьям» (Там же. С. 95 – 96). Прусс Налубо, «обессиленный частыми нападениями, подчинился вере и стал человеком, достойным похвалы в вере и крещении» (Там же). А под конец войны с пруссами вождь судовов Йедет, «благородный родом и нравом, могущественный и богатый, ...не смог больше выносить ... частых и суровых нападений братьев» и «со всеми чадами и домочадцами и 1500 людьми обоего пола пришел к братьям и был крещен» (Там же. С. 137).

Нередко для совершения такого поступка требовался некий пример. Прусс из замка Виллов по имени Тирско был одним из первых, кто «со всеми примкнувшими к нему подчинился вере и братьям», а за ним «многие властительные и знатные люди из

Надровии пришли со временем к братьям со всей челядью своей и, возродившись в источнике крещения, оставив идолов, служили живому Богу Иисусу Христу» (Там же. С. 123).

В начале второго восстания «некоторые нобили из Погезании («немногие» – снова оговаривает хронист) со всеми чадами и домочадцами прийдя в Эльбинг, стали верными сторонниками братьев» (Там же. С. 120). Они «оставили отцовское наследие» в знак благодарности «за благодеяния, оказанные им магистром и братьями» (Там же). Значит, для совершения такого действия требовалась и сильная мотивация, внушаемая нередко теми же нобилиями. Самб Склодо, который после битвы в Куронии (1260 г.) наряду с другими прусскими нобилиями «преданно присоединился» к крестоносцам, перед битвой обратился к своим сородичам с такими словами: «Сегодня воскресите в памяти красоту одежд, не раз дарованных вам братьями, и пусть в память об их цвете одежда тела вашего обагрится ныне кровью ран, а в память о сладости меда или браги, не раз принимаемых вами из рук их, испейте ныне горечь зловещей смерти, исповедуя истинную веру вечной Троицы» (Там же. С. 89). Но пруссы, по мнению Петра из Дусбурга, были движимы и другими эмоциями. Он пишет о том, что «многие знатные и властительные мужи Вармии, видя, что Бог на стороне братьев, устыдились и со всем домом и челядью своей перешли к братьям из Бальги» (Там же. С. 59). Или же просто убоялись божьего гнева. В главе «Об опустошении земли Скаловии» читаем, что «лучшие люди этой земли» Сурбанч, Свисдета и Сурдета «увидели, что Бог страшно разгневался на них, а к братьям удивительно милостив, не решаясь более сопротивляться божественной силе, постепенно со всеми чадами и домочадцами пришли к христианам, оставив наследие предков». А вслед за ними простой люд, «услышав, что вожди войска их, которые вели войну, сложили оружие, также покорился вере христианской». Но много ли обрела при этом христианская Церковь, если в результате военных действий «земля эта осталась обезлюдевшей на многие годы»? (Там же. С. 126 – 127). Поведал хронист и о том, что упомянутый выше Людвиг фон Либенцель, обратил в христианство державшего его в плену вождя судовов Кантегерда и «1600 человек обоего пола из Судовии» (Там же. С. 136).

С позиции хрониста достойны упоминания и похвалы те прусские нобили, которые совершили предательство против своих соплеменников. Так, нобиль Поманда, которого «сам Христос...

призвал милостью духа своего», принял христианство и встал на сторону крестоносцев. Но так как он «некогда пользовался большим уважением» у пруссов, то собрал их, притворившись врагом веры, и повел на осаду крепости Бальги, где их уже поджидали тевтонские крестоносцы. Все пруссы были убиты. А впоследствии были взяты и сожжены дотла прусская крепость Партегаль и укрепление Скрандоне (Там же. С. 60–61). Старый прусс Гедуне помог советом пришедшему в Пруссию чешскому королю Отакару, указав, какого количества воинов будет достаточно, чтобы воевать с пруссами. Впрочем, это предательство не было вознаграждено: хотя король дал Гедуне «стяги свои, чтобы он укрепил их в своих владениях и на домах своих подданных, чтобы... никто не причинил ему вреда», королевские войска его опередили и сожгли дом самого Гедуне и дома его родственников, а их самих (в том числе и его брата Рингела) убили (Там же. С. 84–85). В результате этого предательства были убиты или захвачены в плен люди в самбийской волости Меденов, а в волости Рудов было убито столько «народа самбийского», что нобили предложили королю заложников, которых тот в свою очередь передал крестоносцам.

Стейнов, любимый подданный вармийского вождя Глаппо, «не помня о благодеяниях, воздавал злом за добро, а за любовь ненавистью» (и в этом, кажется, его не одобряет даже орденский священник Петр из Дусбурга). Он предложил Глаппо взять один самбийский замок крестоносцев, а сам предупредил об этом комтура Кёнигсберга. Пруссы были разгромлены, а Глаппо был взят в плен и повешен (Там же. С. 108).

В орденском войске служили прусские наемники: судовы Стовелел и Кудар, а также погезанин Накам (Там же. С. 130, 140), которых Петр из Дусбурга называет смелыми людьми, имевшими «богатый опыт разбоя» (Там же. С. 140).

Насколько сильна была ненависть пруссов к предателям, свидетельствует история помезанского нобилиа Самиле. Он жил среди своих, но тайно почитал «веру и братьев» и помогал им. Узнав об этом, пруссы схватили Самиле, «влили ему в рот кипяток и, поджарив нагого на костре, так что полуживой он едва мог дышать, отправили его братьям» (Там же. С. 112).

Вероятно, «ревнитель веры и христиан» прусский нобиль Гирдав тоже предал своих собратьев, так как выдержал много битв «со стороны своих соотечественников-вероотступников», штурмовавших его замок. И когда у него закончилась провизия, «он

сжег замок и со всеми чадами и домочадцами своими ушел к братьям в Кёнигсберг» (Там же. С. 100). При осаде замка Бартенштейн (1263 г.) был убит прусс Троппо – «воплощение мужества и ревнитель веры», по словам Петра из Дусбурга (Там же. С. 102). Все эти сведения – красноречивое свидетельство того, что на фоне крестоносного завоевания разворачивалась и нештучная война между самими пруссами.

Но, думается, наиболее драматичной была ситуация, когда в разных лагерях оказывались представители одного и того же рода. О некоторых хронист просто упоминает. Так, говоря о помезанском нобиле Пиппине и его сыне Матто, он пишет: «и насколько отец приносил вред гонениями веры и христиан, настолько сын был полезен, ревнуя к вере и христианам, ибо он до самой смерти своей неколебимо стоял на защите веры христианской» (Там же. С. 53–54). Участвуя в битве в Куронии (1260 г.), Матто даже дает совет Генриху Маршалу: «Давайте оставим коней наших подальше от нас, чтобы не было у нас соблазна вернуться к ним, и подойдем к ним пешими, и так народ, лишенный помощи коней, останется в битве, а иначе, несомненно, обратится в бегство» (Там же. С. 89).

В других эпизодах очень ощутим накал страстей, разъединявших родственников. Самб Налубо, которого хронист характеризует как человека «с неустрашимой душой и неукротимым сердцем», не пожелал последовать примеру своих сородичей и встать на сторону ордена. Тогда его родные братья ополчились против него, а брат по имени Варгуло, раздосадованный его упрямством, пришел к нему и сказал: «Проклятый Налубо, теперь поднимайся и будь изгнанником и скитальцем из земли твоей, ибо ты не внял словам моим и сородичей твоих; иначе братья и оруженосцы их, которые уже в пути, убьют тебя». Ему пришлось бежать в соседнюю волость Скокен; он «спасся один-единственный, но вся челядь его и имущество были уничтожены» тевтонскими рыцарями (Там же. С. 96).

Интересен эпизод, относящийся, вероятно, к 70-м гг. XIII в., связанный с осадой судовами, надровами и скаловами замка крестоносцев Беселеды (близ Бартенштейна). Узнав об этом, Намеда, мать Посдраупота из рода Монтеминов (редкий случай упоминания хронистом женщины, тем более – прусской), обратилась к своим сыновьям: «На горе себе родила я вас. Почему не хотите вы жизнь и народ ваш защитить от врагов?» Врагами в данном

случае оказываются не крестоносцы, а восставшие против них пруссы: вдохновленные этим призывом, «ее сыновья и прочие обитатели замка выступили на битву и убили более двух тысяч человек из войска язычников» (Там же. С. 122). После этого тевтоны восстановили замок Бартенштейн.

Однако вершиной для Петра из Дусбурга являются чудесные, на его взгляд, обращения в христианство. Это средневековый топос, построенный на контрасте: из язычника человек превращается в «ревнителя веры». Так случилось с самбом Дорге, которого фогт Самбии Дитрих убедил отказаться от языческого обычая, и «Дорге уверовал и смиренно покаялся в заблуждении своем и стал великим ревнителем веры и христианином и пылким служителем бога и святых и укрепил в вере сердца многих заблуждавшихся новообращенных» (Там же. С. 53). Также Скуманд, «который прежде изо всех сил преследовал Божью церковь, ...стал ревнителем веры, славным вождем народа христианского» (Там же. С. 139). Умирая, он признался: «До обращения моего я никогда не сделал ничего доброго, кроме того только, что, когда язычники похитили в Польше образ Пресвятой Девы Марии с Сыном ее и разрубили пополам, я поднял его с земли и вытер одеждой моей и поставил в надлежащее место» (Там же). Нечто подобное произошло и с нобилем из Судовии по имени Руссиген. Он при соборовании рассказал священнику, что до принятия веры убил многих христиан, но совершил лишь одно доброе деяние: отобрал похищенный судовами образ Девы Марии, в который те метали копья, и отдал его какому-то христианину, сказав: «Возьми этот образ Бога твоего и отнеси его туда, где бы он обретался в должном почитании». После чего Дева Мария, будто бы, явилась ему во сне и сказала: «За ту услугу, что ты оказал мне в образе моем, воздастся тебе в Царствии Сына моего» (Там же. С. 133).

Наконец, несколько слов о судьбах пруссов. Пиппин был выдан крестоносцам одним из своих сородичей; привязав к хвосту лошади, его доставили в Торунь и повесили на дереве (Там же. С. 54). Вармийский вождь Пиопсо повел за собой свое войско на замок Бальгу, но на подступах к замку погиб от стрелы одного из тевтонских рыцарей (Там же. С. 59). При попытке взять Бальгу во время второго прусского восстания, погибли «два знатных и власть имущих человека» Скумо и Стуче (Там же. С. 109). Вождь натангов Генрих Монте был казнен крестоносцами; его «повесили на дереве и повешенного пронзили мечом» (см. также: Нови-

ков 2002). В память о нем одна из улиц современной Клайпеды носит имя Геркуса Мантаса, и на ней ему установлен памятник. В 1972 г. на Литовской киностудии был снят фильм «Геркус Мантас» (режиссер М. Гедрис). Вождь натангов и вармийцев Побраво был убит при налете на окрестности Бальги (ПД 1997. С. 109). Вождь бартов Диван был тяжело ранен при осаде орденского замка Висенбург (Там же. С. 101), едва уцелел в битве у реки Ховар (Там же. С. 112) и был убит при осаде замка Шёнензе Арнольдом Кропом выстрелом из арбалета (Там же. С. 118–119). С намерением обмануть рыцарей скалов Сарека (кастелян одноименного замка) пригласил к себе комтура Мемельбурга якобы для того, чтобы тот крестил его и его людей, но по пути кто-то предупредил комтура о предательстве. Тогда крестоносцы неожиданно напали на Сареку и увели в плен. В ту же ночь он освободился от пут и, схватив меч, убил одного рыцаря и трех оруженосцев, но в этой схватке он и сам был убит (Там же. С. 126). Гибелью вождей прусские восстания обычно заканчивались. Хронист пишет: «Когда же были убиты вожди и все, кем велась война, натанги и вармийцы снова подчинились вере и братьям» (Там же. С. 108).

О пруссах, перешедших на сторону ордена, известно несколько больше, так как о них повествует не только «Хроника земли Прусской», но и свидетельствуют документы – жалованные грамоты, в которых постоянно подчеркивается верность (*fidelitas*) вознаграждаемых новообращенных пруссов Тевтонскому ордену, уподоблявшемуся самому Иисусу (о языке господства см.: Дуго 2007). Так, согласно грамоте, Троп(п)о в 1262 г. получил от ландмейстера Пруссии Хельмерика земельное владение и две деревни, которые после его смерти должны были перейти к его наследникам обоего пола. (PUB. I. № 173). На тех же условиях и в тот же год получил земельные владения и Гедун(е) (Ibid. № 174). В 1276 г. магистр Пруссии Конрад фон Тирберг освободил прусса Йедете (Jodothe, Jedethe) от уплаты десятин в пользу ордена (Ibid. № 374). В грамоте, относящейся к периоду 1288–1299 гг. (времени правления ландмейстера Мейнхарда Кверфуртского) судову Йедете (Gedete) пожалованы земельные владения в Самбии. В одной грамоте 1281 г. всплывает имя Гланде, которому вместе с его братом ландмейстер Манегольд жалует три гакена земли (Ibid. № 386). И вновь это имя появляется в грамоте 1298 г. – Гланде, сын Самбила (Ibid. № 687). Трудно сказать, имеет ли кто-то из них

какое-либо отношение к тому Гланде, которого пруссы выбрали когда-то своим предводителем. В 1285 г. один из вождей судовов Кантегерд (*Kantigirde*) получил землю в свободное держание с правом наследования. Подвластные ему крестьяне обязаны были платить ему десятину и нести прочие повинности (*Ibid.* № 472). Сын Налубо согласно регесте одной не датированной грамоты (ее относят к 1269–1288 гг., времени правления ландмейстера Конрада фон Тирберга) получил 40 гуфов земли близ Тапиау. В 1289 г. это пожалование подтверждено в грамоте, выданной ландмейстером Мейнхардом Кверфуртским, в которой сын Налубо назван по имени – Рейтаве (*Reitauwe, Rytawe*).

Что касается Скуманда, то в 1285 г. он вместе с тремя сыновьями получил от ордена земельные угодья и деревню с правом наследования (*Ibid.* № 464). Память о нем продолжалась в его потомках. Один из них Дитрих Скомонд в 1361 г. получил от ордена в держание 50 гуфов земли и основал на них деревню Дитрихсдорф (Бокман. 2004. С. 94). Скуманд и его потомки сохранили свой статус и вместе с другими, подобными им, прусскими нобилиями образовали основу будущего прусского дворянства (Там же).

Повествование о завоевании Пруссии Петр из Дусбурга заканчивает главой «О милости, оказываемой язычникам, обратившимся в веру Христа»:

Кто бы ни обратился к вере Христа, оставив идолопоклонство, братья милостиво обращаются с ним... Если он знатен и происходит из рода нобилей, то ему даются земли в свободное владение и в таком количестве, что он может жить приличествующе положению своему; если он не знатен, то он и сам служит братьям по доселе соблюдаемому обычаю земли Прусской; разве что с достойными награды или порицания поступают по-иному. Например, если незнатные, которые в вероотступничестве или при других обстоятельствах преданно примыкали к вере братьев, разве славные их заслуги не требуют того, чтобы незнатность их превратилась в благородную знатность, а рабство в заслуженную свободу? <...> Вот почему в земле Прусской много новообращенных, предки которых происходили из знатного рода, они же из-за своего зла, содеянного против веры и христиан, были признаны незнатными; другим же, чьи родители были незнатными, за верное служение, оказанное вере и братьям, дарована была свобода. (ПД. 1997. С. 137–138).

Эта глава подводит итог всем действиям тевтонских рыцарей в Пруссии и реакции на них со стороны пруссов; таков конец истории

завоевания Пруссии Тевтонским орденом, истории насильственного обращения пруссов в христианство. Для уцелевших в орденской «миссии» пруссов начался период ассимиляции, в процессе которой уже в XVII в. вышел из употребления прусский язык, а древние пруссы, не имевшие собственной письменности, остались в исторической памяти благодаря нескольким хроникам и множеству жалованных грамот, составленных тевтонскими завоевателями, приложившими немало сил к уничтожению этого народа.

ЛИТЕРАТУРА

- ПД – *Petr из Дусбурга*. Хроника земли Прусской / Подг. В.И. Матузова. М., 1997.
- PUB – *Preussisches Urkundenbuch: Politische Abteilung* / Hg. R. Philippi. Königsberg, 1882.
- Бокман Х.* Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер. В.И. Матузовой. М., 2004.
- Матузова В.И.* Прусские нобили и Немецкий орден // ДГ, 1987 г. М., 1989. С. 281–287.
- Матузова В.И.* Пруссы глазами Петра из Дусбурга // Балто-славянские исследования. М., 2009. С. 606–613.
- Новиков А.С.* Казнь Генриха Монте и мотив «двойной смерти» у пруссов // Вестник Балтийского федер. ун-та им. И. Канта. 2002. Вып. 6. С. 118–122.
- Dygo M.* Zur Herrschaftssprache des Deutschen Ordens in Preußen im 13. Jahrhundert // *Die Ritterorden als Träger der Herrschaft: Territorien, Grundbesitz und Kirche* / Hg. R. Czaja, J. Sarnowski. Toruń, 2007. S. 105–113 (*Ordines militares. Colloquia Torunensia Historica. XIV*).
- Eihmane E.* The Baltic Crusades: A Clash of Two Identities // *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier* / Ed. A.V. Murray. Abingdon, 2016. P. 37–51.

Vera I. Matuzova

THE *CHRONICON TERRAE PRUSSIAE* BY PETER OF DUSBURG ABOUT THE PRUSSIANS

The *Chronicon Terrae Prussiae* by Peter of Dusburg gives the general description of the Prussians, which is at the same time the revelation of

the author's impressions of the world, wrong from the point of view of the priest of the Teutonic Order. He describes the events which are concerned with the Prussian tribes or their confederations. But very often the writer pays attention to concrete Prussians, whose names and characters he knew, who had taken part in the military events he described. This information has generally to do with the oral tradition, but, though the events took place in the far past, they are considered authentic by modern research fellows, as they are confirmed with such documentary sources like letters patent for some Prussians. The Prussians are not homogeneous. Peter of Dusburg distinguished two main groups of them: the Prussians, who are baptized and take side with the Order (they are to be encouraged), and those who remain pagans (they must be forced to baptism with all means possible). By the time of the aggression of the Teutonic Order the Prussian tribes had been stratified. The writer of the chronicle perceived the process and distinguished the local *nobiles* (nobles), which are not homogeneous, either. Some of them submitted to the Order with their families and were baptized, others led the fight with the Teutonic knights. The chronicle contains the detailed description of the second Prussian rebellion (1260 – 1274) and of its leaders; especially often it says about Henry Monte, Diwan and Skumand. On the other hand, one can see the role of *nobiles*, who were the first to be baptized together with their kinsmen and subjects. The culmination of the baptism for the author of the chronicle is what he sees as a miraculous conversion: in it former pagans became zealous Christians. On the whole, the chronicle by Peter of Dusburg is a very bright picture of the Teutonic crusade in Prussia, which can give an abundant database for modern historians. It shows the destructive processes in the primitive-communal system of the Prussians, which were accelerated with the Teutonic aggression. It was not only the war between the Order and the Prussians, but also the struggle between different groups of the Prussians, as well. Perhaps, the struggle between the close relatives appears the most dramatic one. The article shows both the fates of some Prussians as reflected in the chronicle and in the letters patent and the fate of the Prussians in the whole; they either perished in the wars or were assimilated. As the irony of history, the memory of the Prussians only has been left in literary texts, written by the Teutonic conquerors.

Key words: Prussia, Prussians, nobles, the Teutonic Order, crusaders, rebellions, Peter of Dusburg, Henry Monte, Skumand.